

РОБЕСПЬЕР и ГОРГОНА

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Зое Бажановой

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ФУРГОН

Начало термидора второго года Республики (июль 1794 года).
Париж. Застава Сен-Дени. САНКЮЛОТ взмахом руки
останавливает большой полосатый красно-зеленый фургон, на
одной из стенок которого намалевана огромная маска
Горгоны. Изображение слиняло, но общие контуры
сохранились. На козлах фургона ГОРБУН, с жидкой косицей, в
полосатом камзоле, грязном желтом жабо и треуголке.

САНКЮЛОТ

Эй, гражданин! Что у тебя в фургоне?
И кто ты сам? Дай пропуск, если есть.

ГОРБУН

Алкивиад Ахилл Бюрлеск, философ.
Привез в Париж семью и балаган.

САНКЮЛОТ

Комедиант? Я так и думал. Это
Пустое ремесло... Не обижайся!
Ты, может быть, хороший санкюлот
И ярый якобинец, но бездельник.
Теперь показывай бумаги.

ГОРБУН

Вот!

САНКЮЛОТ

Гм!.. Все в порядке
(Читает.)
“Балаган Горгоны
Под управлением карлика Бюрлеска...
Патент на право представлений...” Так.
“Дано в Руане. Третьего нивоза Второго года...”
Что это за штука Горгона?
Зверь, богиня или девка?

ГОРБУН

Горгона есть чудовище и образ
Великой мрачной силы на земле.
Кто ей в глаза посмотрит, тот сейчас же
Окаменеет.

САНКЮЛОТ

Это басня?

ГОРБУН

Да.

Я говорю про чудеса такие
Не для того, чтоб в просвещенном веке.
Когда народы встали на тиранов,
Смущать сердца и развращать умы...

САНКЮЛОТ

Прекрасно сказано!

ГОРБУН

А этот герб —

Чело Горгоны, змеекудрой ведьмы
Я выбрал потому, что наше время
Великое и мрачное. И люди
Должны смотреть в лицо, не каменя,
Войне и коалиции. Вы сами
Теперь почище всех моих горгон.

САНКЮЛОТ

Ну, открывай свой гроб.

ГОРБУН

Изволь, мой Гектор!

Открывается окно фургона. Первым показывается личико белокурой девушки
во фригийском колпаке.

САНКЮЛОТ

Гражданка хоть куда!

ГОРБУН

Она приемыш,
Дитя безвестности. Живет со мной
С младенчества. Откуда, кто — не знаю.
Зовем ее мы Стелла. Акробатка.

САНКЮЛОТ

Да это сущий клад для парижан!
Приветствую тебя, гражданка Стелла!
Весьма доволен я твоим лицом,
Кокардой патриотки и улыбкой.
Не вижу, к сожаленью, остального,
Но убежден заранее, что всё,
Всё — совершенство, всё, что ни возьмешь.
(СТЕЛЛА смеется.)
О, да она смеется! Значит, любишь
Такие вещи слушать?

СТЕЛЛА

Нет. Привыкла.

САНКЮЛОТ

Ого! Довольно гордая гражданка.
А как тебе я нравлюсь?

СТЕЛЛА

Как сказать...
Не очень.

САНКЮЛОТ

Почему?

СТЕЛЛА

Ты не умеешь
Обыкновенно говорить, без крика?

САНКЮЛОТ

А хочешь, я возьму тебя на плечи
И понесу по городу? Смеешься?
Она смеется! Вот как побеждают
Сердца девиц в Париже патриоты:
Берем республиканской простотой.
Раз, два - и всё готово.

Но СТЕЛЛЫ уже нет в окне. Вместо нее багровое женское лицо с тремя подбородками, в полосатом тюрбане.

Что за стерва?

ГОРБУН

Мадам Ахилл Бюрлеск, моя жена.

САНКЮЛОТ

О, я хотел сказать: привет гражданке.
Как ты доехала?

МАДАМ БЮРЛЕСК

Стручок гороха!

САНКЮЛОТ

Что ты сказала?

МАДАМ БЮРЛЕСК

Бешеный крикун!
Таких, как ты, у нас не замечают.
Их просто давят каблуком - и всё.

ГОРБУН

Молчи, несчастная.

МАДАМ БЮРЛЕСК (*мужу*)

И ты хорош!
Нашел себе товарища, бездельник.
И я осуждена с таким вот дурнем
Жизнь провести до гроба. Горе мне!
И даже революция не может
Меня освободить. Какого ж черта
Вы делали ее? А мне терпеть?
Мне фигу, граждане? Благодарю!

САНКЮЛОТ

Ты арестована.

МАДАМ БЮРЛЕСК (*плюет*)

Молчи, навоз!

САНКЮЛОТ замахивается для пощечины. В окне показывается голова рычащего медведя. САНКЮЛОТ в бешенстве отступает. Медведя сменяет осел. За ним на окно вспархивает и машет крыльями, крича свой привет, петух.

САНКЮЛОТ

Здесь оскорбляют честных патриотов.
Здесь заговор, быть может, роялистский,
Здесь ужасы, от коих добродетель
Мрачнеет. Здесь людскому вероломству
Защитой служит ветошь балагана.
Ты арестован, гражданин Бюрлеск,—
Ты, и жена, и ваш фургон...

В окне опять СТЕЛЛА.

СТЕЛЛА

А я?

САНКЮЛОТ

Ты? Черт возьми!
Совсем забыл об этом!

СТЕЛЛА

Послушай, ты — хороший санкюлот,
Но вспыльчив и не понимаешь шуток.
Гражданка эта тоже патриотка.
Но у нее одышка, ревматизм,

Плохая печень — все болезни мира.
Она добра, безропотна, тиха.
И надо только выждать две недели,
Чтоб заслужить ее благоволение.

САНКЮЛОТ

Гражданка, ты стрекочешь, как будильник.
Меня легко словами одурачить,
В особенности, черт возьми, когда
Такое личико... Молчи, гражданка!
Теперь я сам трагический актер.
Под стать Корнелю. У меня в душе
Идет борьба меж страстию и долгом.
Что делать?

СТЕЛЛА

Отпустить нас.

САНКЮЛОТ

А старуха?

ГОРБУН

Прости мою Ксантиппу, если можешь.
По крайней мере, гром был без дождя.
А то иной раз расшалится так
Мадам Бюрлеск, что на голову мне
Без содроганья свой кофейник выльет.
Я стоик и безропотно сношу
Ее, как перевозданную мегеру.
Зато, отбушевав, она стихает
И вяжет мне фуфайки... Гражданин,
Мы люди бедные. До роялистов
И заговоров очень далеко нам...
А эта ветошь нищая — есть признак
Такой же честной жизни, как твоя...
(Снимает треуголку, подымает глаза к небу.)
Ты знаешь всё. Ты видишь нас, Свобода.
И, вопреки всей мерзости, кишасцей
У ног твоих,— уверена в грядущем
И в том, что мы невинны.

САНКЮЛОТ

Проезжайте!

ГОРБУН взбирается на козлы.

(Стелле)

Когда б не ты, несдобровать Бюрлескам.

СТЕЛЛА

Благодарю. Прощай.

САНКЮЛОТ

Прощай, гражданка!
А если я понадобится тебе,
Запомни: секция Пуассоньер.
Военный комитет. Жак Робино.
Запомнила?

СТЕЛЛА утвердительно кивает.

Найдешь ли?

СТЕЛЛА

Там посмотрим.

Фургон трогается.

САНКЮЛОТ

Держи построже стариков. Сама
Старайся изворачиваться. Слышишь?
Не распускай их. Будет не до шуток.
Париж - котел. Ты слышишь, как кипит он?
Как жарко дышит он тебе в лицо?
Запомни, как искать меня. Прощай!

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЗАГОВОР

Задняя комната в кафе на улице Павлинов. ГОРБУН играет в карты с толстым СПЕКУЛЯНТОМ. Перед каждым — оловянные кружки с вином. За стулом ГОРБУНА СТЕЛЛА. У дверей ХОЗЯИН читает "Монитор".

ГОРБУН

Свобода пик и Гений.

СПЕКУЛЯНТ

Пас.

ГОРБУН

Тем лучше. (Стелле.)

Дитя, в моем футляре от кларнета
Достань-ка чистый носовой платок.

СТЕЛЛА удаляется.

Девятка пик. Закон червей.

СПЕКУЛЯНТ

Не по-республикански ты сдаешь.
Мне это подозрительно...

ГОРБУН

В чем дело?

СПЕКУЛЯНТ

Шучу, не бойся. Нравится мне очень
Твоя девчонка... Пас. Я без Свобод...
Она мила, свежа... Тасуй колоду.
Пастушка Феокрита...

ХОЗЯИН

Скажем проще,—
Ведь ты бывалый человек, Горбун.
Поймешь на полуслове. Так проси
Какую хочешь цену. Понимаешь?

СПЕКУЛЯНТ

Что ж, гражданин, сыграем на девчонку?

ГОРБУН

Опять ты шутишь... В банке двести ливров.

СПЕКУЛЯНТ

Свобода кроет. Равенство за мной

С Гражданской Доблестью. Нет, не шучу.
Идет?

ГОРБУН

Нет, не идет! Я этой ставки
Не буду ставить! Стелла, где платок?

СТЕЛЛА возвращается.

СПЕКУЛЯНТ

Я это, сударь, с вашей стороны
Считаю подлостью.

ГОРБУН

Считай чем хочешь.
Клади на стол сокровища двух Индий —
Ты девочки не купишь у меня.
На деньги будем резаться всю ночь,
Пока Хозяин не запрет. Я даже
На тумбе уличной готов играть.
Но этого ребенка не касайся.

СПЕКУЛЯНТ

Довольно странно ты на это смотришь,
Ведь я же не аристократ распутный
И этим нашу дружбу укрепил бы.
Гордишься? Черт с тобой. Играем дальше.

ХОЗЯИН

Эй, граждане, мне комната нужна
Для важной политической беседы.
А ты, Горбун, спел бы свои куплеты
Перед кафе. Там публики изрядно.

ГОРБУН и СТЕЛЛА уходят.

СПЕКУЛЯНТ

Эй, пожалеешь! Будет поздно.

ХОЗЯИН

Брось!
Зачем шуметь? Тебя я познакомлю
С такою женщиной — оближешь пальцы.
Маркиза, фрейлина Антуанетты,
Теперь модистка, чудом уцелела...
Прелестная особа.

СПЕКУЛЯНТ

Слушай, друг,
Устрой мне снова встречу с тем...

ХОЗЯИН

С Тальеном? Он будет здесь.

СПЕКУЛЯНТ

Но так, чтобы никто
Не помешал нам.

ХОЗЯИН

Можешь быть спокоен!

Между тем перед кафе, под сенью каштанов, при свете плошек, бумажных фонарей и факелов идет представление ГОРБУНА. Фургон с откинутой задней стенкой служит подмостками.

ГОРБУН (*фальцетом*)

В начале перегона
Еще не повелось
Ни машеры Горгоны,
Ни ржавых змей-волос,
Ни божеского роста,
Ни той безглазой тьмы.
Она актриса просто.
Она худой подросток
И весела, как мы.

Появляется СТЕЛЛА. Ее волосы убраны кокардой из зеленых листьев.

СТЕЛЛА

Когда вчера в полмира
Пылал дворцов картон,
Я парижан кормила
Своим горячим ртом.
Кормила карманьолой,
Брала вас гольшом,
Рукой спасала голой.
Был юношеский голос
Пальбой не заглушен.

Из темных углов фургона появляются звери. СТЕЛЛА мечется по подмосткам, как бы ища спасенья.

ГОРБУН

Затопали копыта
Английского осла —
То тень Вильяма Питта
Над Францией росла.
И эмигрант, бросаюсь
К соседям дорогим,
Спешил, как этот заяц,
Забыть марсельский гимн.

СТЕЛЛА с внезапным порывом решимости хватает флейту ГОРБУНА и начинает насвистывать "Марсельезу". Пальцы не повинуются ей, но постепенно она овладевает инструментом. Из-под шкуры медведя раздаётся мощное гуденье МАДАМ БЮРЛЕСК, подпевающей слова гимна. Фургон освещен бенгальским огнем. ГОРБУН бьет в барабан. Все трое поют "Марсельезу", публика подтягивает. Между тем внутри кафе тайная беседа в разгаре. За столом — БАРЕР, БИЙО-ВАРЕНН, КОЛЛО д`ЭРБУА, ФУШЕ, ВАДЬЕ и другие члены Конвента, монтаньяры и умеренные. В стороне от общей группы ТАЛЬЕН.

ТАЛЬЕН

Тереза арестована... Но где —
В Консьержери, в Лафорсе, в Люксембурге?
Меня тошнит от мысли, что она...
Она... Фуше, ты понимаешь?.. Завтра...

ФУШЕ

Ты много пил.

ТАЛЬЕН

И буду пить еще.
Всё валится. Всё не на самом деле...

БИЙО-ВАРЕНН

Теперь дела!

КОЛЛО д`ЭРБУА

Нет, я опять прерву.

БИЙО-ВАРЕНН

Молчи, несчастный! Робеспьер не дремлет.
Скрипит пером Сен-Жюст.

КОЛЛО д`ЭРБУА

Фу! Этот страх...
Как можно жить под вечною угрозой?

ТАЛЬЕН (шепотом ФУШЕ)

Ее зеленые глаза тусклы.
Ее горячий рот измучен страхом.
Ее как лира выгнутое тело
Покрыто грязною рогожей — нет...

Вот почему от липкого стакана
Я не могу сегодня оторваться.

ФУШЕ
Отстань!

ТАЛЬБЕН
Постой, дай досказать!.. Ты знаешь:
Я на нее истратил всё, что мог.
Я потакал ее тупым капризам...
Распоряжаясь жизнью роялистов,
Я продавал себя и Комитет.
Всё превращалось в деньги и в караты —
Страх, совесть, вымогательство и честь.
Я жалок стал, я исхудал как тень,
Не спал ночей - но я любил ее,
Ее, пустую, добрую - такую,
Какой она встает сейчас со дна
Проклятого стакана.

ХОЗЯИН кафе манит его пальцем. ТАЛЬБЕН неверными шагами идет к нему. За спиной ХОЗЯИНА - СПЕКУЛЯНТ.

Как дела?

СПЕКУЛЯНТ
Пять тысяч. При удаче остальное.

ТАЛЬБЕН
Ты незнаком еще с Консьержери?

СПЕКУЛЯНТ
Но...

ТАЛЬБЕН
Завтра познакомишься...

СПЕКУЛЯНТ
Семь тысяч.

ТАЛЬБЕН
Сегодня ночью!

СПЕКУЛЯНТ
Восемь, девять, десять!..

ТАЛЬБЕН
Все двадцать тысяч в золоте английском
Вперед... И никаких иных условий.

СПЕКУЛЯНТ
Но если ты...

ТАЛЬБЕН
Что если?

СПЕКУЛЯНТ
Если брат
Не будет завтра на свободе?..

ТАЛЬБЕН
Видишь
Вот этот бланк? Здесь надо только имя
Моей рукой проставить и число.
И ты поедешь сам в Лафорс. Тюремщик
Перед тобой откроет все замки.
Я полагаю, что за ужин с братом
Не так уж много двадцать тысяч ливров!
Он нажил на поставках в интендантство

И должен чистоганом расплатиться
С Республикой в моем лице.

СПЕКУЛЯНТ

Но разве
Докажешь ты, когда, и где, и сколько
Мы нажили? Согласно всех фактур,
Имеющихся в копиях у брата,
Закуплено в Амьене и Блуа
Четыре тысячи квинталов сена
И яровой соломы. Весь фураж
Предназначался армии.

ТАЛЬЕН

Не надо
Мне этих данных. Мне и так всё ясно,
За исключением маленькой детали:
Помимо сена и соломы — вы
Скупали хлеб в Амьене...

СПЕКУЛЯНТ

Это ложь!

ТАЛЬЕН

...И продавали в Бельгию.

СПЕКУЛЯНТ

Донос!

ТАЛЬЕН

Довольно слов! Жизнь или кошелек —
Решай!

СПЕКУЛЯНТ

Не позже завтрашнего полдня
Все деньги будут у тебя в руках.

ТАЛЬЕН

Смотри же!

СПЕКУЛЯНТ и ХОЗЯИН скрываются. ТАЛЬЕН присоединяется к группе
заговорщиков.

БИЙО-ВАРЕНН

Что ты скажешь?

ТАЛЬЕН

Робеспьер,
Конечно, выше нас голов на двадцать.
Он смотрит в будущее. Но я сделал
Свой выбор. Мне здесь нечего терять,
Я средний человек. Я это знаю
И на бессмертье попросту плюю.
Кто хочет — пусть фальшивит и хоть горлом
Берет его пронзительное “си”.
В моем регистре этой ноты нет!
Ты понимаешь? Не хочу - и баста!

БАРЕР

Посредственность - вот будущая сила,
Которая придет на смену им.
Вот истина, которая дороже
Всех Деклараций Прав. Быть равнодушным,
Спокойно приспособиться, склониться
Перед необходимостью — и жить,
Ты думаешь, такая вещь не стоит
Тех трех голов?

КОЛЛО д'ЭРБУА (*мрачно*)

А может быть, и больше!

БИЙО-ВАРЕНН

Не думаю...

КОЛЛО д'ЭРБУА

А я почти уверен.

БАРЕР

Для краснощекой, полнокровной, доброй,
Для лучшей части нации - для брюха,
Которое при короле хирело,
Спало без просыпу, вчера проснулось
С урчаньем, с требованьем есть и нить
И завтра будет завтракать в Европе
По твердым ценам, — вот кому нужна
Такая операция.

ТАЛЬЕН

Дантон

Был прав: Республика не Фиваида,
Где горсть каких-то постников траппистов
Смиреньем удивляет дураков.

ВАДЬЕ

Пусть нам дадут дышать - и мы дадим.

БАРЕР

Довольно с нас риторики.
Долой Спартанскую похлебку Робеспьера
И красноречье школяра Сен-Жюста.
Долой горящие глаза. И рты,
Хрипящие от бешеных гипербол.
Мы, черт возьми, не схемы, а созданья
Из крови, слабостей и appetitов.
Мы будем воевать...

КОЛЛО д'ЭРБУА

Наверно, будем!

БАРЕР

Но босиком мы не пройдем и лье...
Мы будем строить... Но не балаганы,
Где девки тощие изображают
Венчанье добродетели. Мы будем
Не задаваться, а дышать - и всё.

ФУШЕ

Короче, мы сумеем сговориться.
Теперь - дела. Проскрипционный список
Действительно гуляет по рукам.
В нем имена: мое, Вадье, Барера,
Тальена - остальные на закуску.
Осведомитель мой, вам не известный,
Дал мне понять, что Якобинский клуб...

БИЙО-ВАРЕНН

Ты видел список?

ФУШЕ

Нет. Но сам слышал...

ТАЛЬЕН

Мы все слышали. Это не причина,
Чтоб выступить. Поменьше бабьих сплетен.
Побольше точности...

ФУШЕ

А я считаю,
Что, если списка нет, он завтра будет.
Он неизбежен. Если пал Дантон,
Падем и мы: и ты, и я, и этот...

ТАЛЬЕН

Сравнение с великаном неуместно.
Мы все-таки пигмеи. Надо трезво
Смотреть на вещи, граждане...

КОЛЛО д'ЭРБУА (*стуча кулаком по столу*)
Пигмеи?

Как бы не так. Мы люди. Средний рост
Почтенен, как любая добродетель.

ТАЛЬЕН

Зачем же бить стаканы?

ФУШЕ

К делу, к делу!

Под сенью каштанов представление ГОРБУНА продолжается.

ГОРБУН

...Она актриса просто,
Она худой подросток
И весела, как мы...

Опять появляется СТЕЛЛА.

ГОЛОС В ПУБЛИКЕ

Опять сначала? Это мы видали!
Горбун, показывай, что было дальше!

ГОРБУН

Терпенье, граждане! На этот раз
Я покажу вам вариант конца
Весьма печальный. Граждане, вниманье!

СТЕЛЛА со зверями повторяет свою пантомиму.

Но шла река на убыль.
Хладел огонь в крови.
Потрескались губы
От стольких слов любви,
От стольких клятв и песен,
Где смертью был припев.
И стал напиток пресен,
И стал мотив невесел,
И - смолкнул, захрипев.

СТЕЛЛА

Ну что ж, надену маску,
Пойду пугать народ.
Смотрите, как истаскан
Вас целовавший рот.
Венчанного кретина
Скатилась голова,
О, мрачная картина!
Всем правит гильотина, —
Но песнь моя жива!

Звери с рычаньем сдвигаются вокруг нее.

ГОРБУН

Химеры засмотрелись
На вольную красу.

Но я младую прелесть
От гибели спасу.

СТЕЛЛА

На помощь — все, кто любит!
Вставайте - все, кто жив!
Вы, в Якобинском клубе!
Вы, в секциях чужих!
К оружию, патриоты!
Бей в барабан, Париж!

Среди публики движенье. Подымается ДЛИННОНОГИЙ с угреватým носом.

ДЛИННОНОГИЙ

Немедленно прошу вас прекратить!
(Поднимается на подмости.)
Что значит песнь о гибели Свободы?
Ты не в своем уме! Ты, верно, сам
Агент Вильяма Питта, гражданин?
(Хватает ГОРБУНА за шиворот.)
Чудовище разврата, отвечай!

ГОРБУН

Я полагал, что мой куплет невинный
Подымет дух гражданский.

ДЛИННОНОГИЙ

Полагал?..
Намеками тупыми исказить
Божественную правду наших дней.
Так вот что дух народа подымает?
Так вот что называется у вас
Гражданской доблестью? Я в изумленье.
Пускай же Трибунал решит, кто прав!
Идем за мной!

ГОРБУН

Куда?

ДЛИННОНОГИЙ

Ты там узнаешь.

СТЕЛЛА

И я иду.

ДЛИННОНОГИЙ

Ты, беленький зверек,
Здесь ни при чем... Останься. Твой отец.

СТЕЛЛА

Он не отец мне.

ДЛИННОНОГИЙ

Значит, твой любовник.
Ты хуже не могла найти? А впрочем,
У женщин вкусы странные. Идем.

МАДАМ БЮРЛЕСК

Построже накажи его!

ДЛИННОНОГИЙ

А это
Что за явление?

МАДАМ БЮРЛЕСК

Я — его жена.

ДЛИННОНОГИЙ

Ого! Жена предстательствует взорам

Редчайший случай! Чем он провинился
Перед тобой? Выкладывай, старуха!

МАДАМ БЮРЛЕСК

Он подлый лежебока, он картежник,
Философ, разгильдяй, транжир, урод...
Он просто скверный муж.

ДЛИННОНОГИЙ

С меня довольно.

МАДАМ БЮРЛЕСК

Освободи меня от этой твари!
Мне сорок лет. Я хороша собой,
Могу еще понравиться мужчинам.

ГОЛОС

Идем со мной, толстуха!

МАДАМ БЮРЛЕСК

Мой Парис!
Лечу в твои объятия.

ГОЛОС

Честь и место!

Она грузно проваливается в толпу. Ее роль кончена.

ДЛИННОНОГИЙ

Что ж, гражданин! Пора нам в путь дорогу.
Бери свой плащ и шляпу. И прощайся.

ГОРБУН (*Стелле*)

Прощай, дитя! Не бойся за меня.
А если что случится, не жалея,
Корми зверей и уезжай с фургоном,
Куда захочешь.

СТЕЛЛА

Я дождусь тебя.

ГОРБУНА уводят. К СТЕЛЛЕ подходит СПЕКУЛЯНТ.

СПЕКУЛЯНТ

Мой ангел! Вы в слезах, вы вне себя.
Здесь нас обидеть могут. Дайте ручку.
Позвольте мне участие принять
В ближайших ваших начинаньях.

СТЕЛЛА

Кто вы?

СПЕКУЛЯНТ

Друг, смею вас уверить, самый нежный,
Внимательный и скромный.

СТЕЛЛА

Что мне делать?

СПЕКУЛЯНТ

Довериться мне смело. Только ночь,
Одна лишь ночь должна пройти... А завтра,
О, завтра утром мы найдем пути,
Нащупаем возможности... Ручаюсь,
Что Горбуна мы вырвем из когтей
Плутона, обожаемая прелесть!
Идем со мной. Не бойтесь ничего.
Для смелости, а может быть, на счастье,
Давайте чокнемся.

Зефир играет
Кудрями вашими. Жизнь хороша.
Головка закружилась? Ай-ай-ай!

СТЕЛЛА
Простите. Не привыкла я к вину.

СПЕКУЛЯНТ
Возьми на память от меня колечко.
Я буду толстеньким твоим Пьеро,
Твоим папашей, милая сиротка.
А ты моей... моей...

СТЕЛЛА
Довольно. К черту!
Подлец! Оставь меня. Я закричу.

СПЕКУЛЯНТ
Ну, ну, спокойно! Я же пошутил.

СТЕЛЛА
Мне нечем заплатить за эту низость.
Пощечина была бы слишком жирным
Подарком. Помирись на меньшей плате!
(Выплескивает ему стакан в лицо и убегает.)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ФОНАРЩИК ПОЕТ ЗА ОКНОМ

Комната Робеспьера в доме Дюпле. Вечер. Одна свеча. РОБЕСПЬЕР на окне пишет. Перед ним большая бронзовая чернильница, гусиные перья, кипа бумаги. У окна – СЕН-ЖЮСТ. На стене портрет Руссо. Входит ЭЛЕОНОРА ДЮПЛЕ, бледная девушка с тонкими губами.

ЭЛЕОНОРА
Максимильян, я принесла тебе
Пожинать.

РОБЕСПЬЕР
Не надо. Дай мне соды.

ЭЛЕОНОРА дает ему стакан.

Проклятое перо. Скрипит, и брызжет,
И рвет бумагу. Десять тысяч раз
Просил я ставить соду на столе.
Я не прошу тебя о свежих розах...
Не надо пыль стирать с моих бумаг...
Стакан с водой — и всё.

ЭЛЕОНОРА
Мой друг, ты болен.

РОБЕСПЬЕР
Уйди!

ЭЛЕОНОРА
Я не хочу надоедать,
Но я имею право на вниманье.

РОБЕСПЬЕР
Уйди.

ЭЛЕОНОРА
Я знаю всё. Я не слепая.
Я, как и ты, не сплю ночей и слышу
Твои шаги за тонкою стеной.
Ты изнурен работой.

РОБЕСПЬЕР

Не мешай.

ЭЛЕОНОРА

Хоть улыбнись. Хоть посмотри в глаза мне.

Иначе ты не человек.

РОБЕСПЬЕР

Уйди.

ЭЛЕОНОРА тихо удаляется. РОБЕСПЬЕР грызет ногти. СЕН-ЖЮСТ подходит к нему.

СЕН-ЖЮСТ

Вот список. Это наконец смешно,

Что самый нужный шаг еще не сделан.

Бийо-Варенн, Тальен, Вадье, Фуше,

Барер, Колло д'Эрбуа...

РОБЕСПЬЕР

И кто еще?

А, В, С, D,- вплоть до последней буквы

Весь алфавит ты должен перебрать.

Не в списках дело и не в именах.

Насквозь продажно ведомство финансов.

Тут сорван государственный кредит,

Там покровительство ажиотажу.

Кто во главе? Фельяны, бриссотинцы,

Аристократы или их лакеи

Все эти Раммели и Маларме,

Прилипшие к Республике, как гроздь

Сосущих паразитов... А затем

Насквозь прогнили комитеты Блага,

Спасенья, Безопасности... Везде

Одно и то же! Наш конец, Сен-Жюст.

Где же искать решимости?

СЕН-ЖЮСТ

В терроре.

РОБЕСПЬЕР

А в чем же основанье продолжать

Террор и завтра?

СЕН-ЖЮСТ

В логике вещей.

РОБЕСПЬЕР

А логика действительно права?

СЕН-ЖЮСТ

Недавно ты не спрашивал, а делал.

РОБЕСПЬЕР

Отложим этот трудный разговор

До новой встречи.

СЕН-ЖЮСТ

Я могу уйти?

РОБЕСПЬЕР

Постой, Сен-Жюст! Мы оба слишком долго

Живем одним и говорим одно.

Мы так непоправимо, слепо сжались

В один глоток огромного дыханья -

То перьями скрипим, то произносим

Тирады, долженствующие стать

Бессмертными, - а между тем, Сен-Жюст,
Не знаю почему, но я хотел бы...

СЕН-ЖЮСТ

Не продолжай! Мне, право, безразлично,
Чего бы, как бы, сколько бы ты съел,
С какою дамой спал, чем заплатил бы,
Встал с головною болью или нет.

(Ходит большими шагами по комнате.)

Нет ничего, чего бы я не знал.
Я слышу все вопросы. Все ответы
Звенят, гудят во мне наперебой.
О, эта мука! Этот грозный возраст,
Когда и человек и тень его,
Растущая до потолка в потемках,
Должны смотреть в лицо самой судьбе,
Стремиться к истине и ненавидеть,
Все промедленья времени, все цепи
Причин и следствий, все уловки слабых!..
Вся тайна в смелости и быстроте.
Когда-то нас несло к Парижу море
Знамен и ружей, шапок и кокард.
Имеют право только эти ружья
На будущее.

РОБЕСПЬЕР

Ты разбудишь дом.

СЕН-ЖЮСТ

Соседи. Стены. Комнаты. Шкафы.
Отхожие места. Аптеки. Тумбы.
Кафе. Заплеванные тротуары.
А где-то фронт. Война со всей Европой.
Берем Антверпен. Двинулись на Рейн.
Но грош цепа знаменам триумфальным,
Пока в Париже воют проститутки.
Пока в Париже есть еще перины
Не вспоротые. Есть еще шкафы
Не взломанные. Есть мильон Бастилий,
Еще не взятых штурмом, Робеспьер.

РОБЕСПЬЕР

Ребенок!

СЕН-ЖЮСТ

Значит, ты меня не знаешь.
А мог бы знать. Ты был таким же точно.
Проскрипционный список, Робеспьер!
Должны все те, кого назвал я раньше,
Предстать пред Трибуналом.

РОБЕСПЬЕР

Дай мне время
Подумать.

СЕН-ЖЮСТ

Завтра будет поздно. Знай:
Кто сомневается на полдороге,
Тот осужден до всякого суда.

РОБЕСПЬЕР

Вчера мне снилось, что в меня вошел
Конвент во всех его недомоганиях –
С решимостью, и завистью, и бурей
Вершин Горы, и кваканьем Болота.

И дико заметался меж скамеек...
Нет! Это я в самом себе метался.
И только морды бешеных Горгон
Плевали мне в лицо. Тут я проснулся...

СЕН-ЖЮСТ

Конвент?

Конвент — болото. Разве там

Ключи от революции?

РОБЕСПЬЕР

Так, значит,

Я завтра выступаю с обвиненьем?

СЕН-ЖЮСТ

Против кого?

РОБЕСПЬЕР

Всех названных тобой.

СЕН-ЖЮСТ

Ты подготовил?

РОБЕСПЬЕР

Речь моя вчерне

Набросана. К утру перепишу.

СЕН-ЖЮСТ

Что ж ты молчал?

Долгое молчание. РОБЕСПЬЕР подходит к окну.

РОБЕСПЬЕР

Послушай, друг, как жалуется ветер

В железных дымоходах. Полночь бьет.

По улице идет хромым фонарщик.

Он, видно, пьян. Поет... Послушай песню.

ФОНАРЩИК (*поет*)

Росло у короля

На шее вроде шара,

И все дела решало,

И пело тру-ля-ля.

Казнен Луи Капет.

Скатился шар с помоста.

Он стал пониже ростом.

И нечем есть обед.

А пудренный арбуз

На пике над Парижем

Был весь от крови рыжим.

И я его боюсь.

РОБЕСПЬЕР

Ему осталось положить на песню

Еще печаль о голове Дантона,

А через месяц — радость о моей.

Да, да — об этой падали с глазами

Стеклянными и ртом, землей набитым... Брр!

СЕН-ЖЮСТ

Лихорадка, трусость?

РОБЕСПЬЕР

Нет. Усталость.

СЕН-ЖЮСТ

Болезнь, не излечимая ничем.

РОБЕСПЬЕР

Быть может, смертью...

СЕН-ЖЮСТ

Смерти нет для нас.

РОБЕСПЬЕР

Есть — и еще какая!

СЕН-ЖЮСТ

Там посмотрим!

РОБЕСПЬЕР

Ты побледнел?

СЕН-ЖЮСТ

От счастья. Всё, что было,

Что есть и будет,— решено судьбой.

Судьба всегда прекрасна. Дай мне руку!

РОБЕСПЬЕР

Она твоя.

СЕН-ЖЮСТ

Какой бы ярый вихорь

Ни закрутил нас, мы верны?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. СТЕНА И РЕБЕНОК

Туманный перекресток. Дождь. Гребни мокрых крыт. Мигающий фонарь. Выступ дома в лепных напитках, среди которых голова Горгоны. РОБЕСПЬЕР проходит, сторбленный, с тростью и папкой бумаг.

РОБЕСПЬЕР

Как мысли гонятся, как мчатся дальше,

Как бешено друг друга сторожат.

Как сам я перебранкой их прижат.

Как изнемог от их змеиной фальши!..

Нет! Я не ошибался никогда!

Мой разум чист и ясен до продела.

Чего же ты, стена, недоглядела?

И почему не отвечаешь: “да”?

Молчишь, ничтожество? Ты, значит, с теми?

Вступила в заговор? Смотри в глаза!

Париж, сто раз голосовавший за

Грядущее, плюет на вашу темень.

Плюет на немоту твоих химер.

На их синклит, гримасничавший подло.

Пуускай ответят! Я пример вам подал.

Хоть ты, чудовище!

СТЕНА

Что, Робеспьер?

Отшатнувшись, он останавливается как вкопанный.

РОБЕСПЬЕР

Кто ты?

СТЕНА

Горгона.

РОБЕСПЬЕР

Это шутка?

СТЕНА

Нет.

Я каменная маска на фасаде.
Меня ты видел много дней подряд,
Не замечая.

РОБЕСПЬЕР

Маска? Много дней?..
Облупленная временем и ветром
Гримаса грязной городской стены...

СТЕНА

Вот именно.

РОБЕСПЬЕР

Чего ты хочешь, маска?

СТЕНА

Поговорим немного, Робеспьер!

РОБЕСПЬЕР

О чем?

СТЕНА

О чем? О сущности вещей.
Я вижу всех, мимо меня идущих...
Но некому мне опыт свой внушить.
А я клянусь, что видела такое,
Что столько скоплено в ненастных стоках
Злодейства, горя, низости и славы...
Моим рассказом будешь ты доволен.

РОБЕСПЬЕР

Я слушаю.
(Про себя.)
Я начинаю бредить.

СТЕНА

О друг мой! Правда, я имею право
Тебя назвать так нежно?.. Осмотрись:
На убыль, что ни день, река на убыль.

РОБЕСПЬЕР

Скорее к делу, или я уйду!

СТЕНА

А между тем ночная тьма кишит
Предательством и вероломством...

РОБЕСПЬЕР

Знаю.

СТЕНА

А знаешь ли ты слово, чтоб подвигнуть
Страстей гражданских пламя на дела?
А пользуешься ты еще влияньем?
А кроме слов и тщетного витийства,
Есть у тебя?..

РОБЕСПЬЕР

Постой! Что за вопрос?
Пред чьим судом, кому я отвечаю?

СТЕНА

Своей возлюбленной.

РОБЕСПЬЕР

И это ты,
Бессмысленная гипсовая морда?
Ты, сточная дыра?

СТЕНА

Чем я плоха?

РОБЕСПЬЕР

Ты отвратительна.

СТЕНА

Найди получше!

РОБЕСПЬЕР

Ты издеваешься?

СТЕНА

Я отвечаю.

РОБЕСПЬЕР

Могла бы остроумней.

СТЕНА

Помоги!

РОБЕСПЬЕР

Что делает сейчас Тальен?

СТЕНА

Он спит.

РОБЕСПЬЕР

Барер, Бийо Варенн, Фуше, Вадье?..

СТЕНА

Все патриоты доблестно храпят

В своих постелях...

РОБЕСПЬЕР

Ты плохой оракул.

СТЕНА

А может статья, гражданин Фуше

Сейчас торгуется с любым из прочих

О чьей-нибудь счастливой голове.

РОБЕСПЬЕР

Чья это голова?

СТЕНА

Не знаю, право.

РОБЕСПЬЕР

Довольно. Ты моя болезнь.

СТЕНА

Твой разум.

РОБЕСПЬЕР

Мой сон.

СТЕНА

Твоя бессонница.

РОБЕСПЬЕР

Пусти!

СТЕНА

Нет. Не пущу. Посмей перерастить

Мой безысходно лающий сарказм.

Но если ты на гибель обречен

И зришь во тьме Горгону с волосами

Змеиными — стена здесь ни при чем.

Твои глаза всё подсказали сами,

Что им хотелось, тьме глухонемой.

Проснись же! Вот единственное средство.
Плесни хоть бешенством!

РОБЕСПЬЕР ударяет тростью по стене. Кусок штукатурки отваливается.

РОБЕСПЬЕР

Вот и конец твой!

(Берет с земли кусок штукатурки. Он крошится у него в руках.)

Не краше будет, кажется, и мой.

Тут РОБЕСПЬЕР замечает за выступом стены в темной нише фигуру спящей девочки. Фригийский колпак надвинут на глаза. Мы можем только догадываться, что она нам уже знакома, и сейчас в этом убедимся.

Оказывается, стена чревата

Еще одним смиренным существом,

Ребенок... Нищенка или проститутка?

Порок или добродетель здесь ютится

Без крова и ночлега?

СТЕЛЛА *(просыпается)*

Дождь еще

Не кончился?

РОБЕСПЬЕР

Все льет и льет, гражданка.

Кто ты такая?

СТЕЛЛА

Стелла.

РОБЕСПЬЕР

Это имя?

СТЕЛЛА

По сцене Стелла.

РОБЕСПЬЕР

Ах, комедиантка!

Я думал хуже...

СТЕЛЛА

Это тоже плохо!

РОБЕСПЬЕР

Ты недовольна ремеслом своим?

СТЕЛЛА

Нет ничего хорошего на свете.

Горбун, хозяин нашего фургона,

Сегодня арестован. Завтра утром

Я выйду, может быть, на тротуар.

Мне нечего хранить. Пойду, как все

В Пале-Рояле крашенные шляхи...

Мила я, как пастушка Феокрита.

Сам посмотри: стройна и белокура...

Ты за меня ведь дал бы сотню ливров?

РОБЕСПЬЕР

Но ты должна понять: Верховный Разум

В неизмеримой благости дает

Такое нежное лицо и душу

Не для того...

СТЕЛЛА

Ты проповедь читаешь?

Оставь, пожалуйста! А для чего же

Дастся нежное лицо такое?

Я, может быть, еще не знаю жизни,

Но главный фокус поняла давно:
Я не умру и голодать не буду.
(Поэт.)

Пока добытая трудом
Республика шаталась,
Сюзон пошла в публичный дом
И там навек осталась.

РОБЕСПЬЕР

А где служила ты, в каком театре?

СТЕЛЛА

У нас театра нет. Мы разъезжали
С фургоном по Парижу. Назывались
Мы очень грозно: "Балаган Горгоны".
Но ты не бойся! Это ведь уловка,
Чтобы привлечь вниманье парижан.
А в аллегориях страстей и прочем,
Поверь мне, публика не разбиралась.

РОБЕСПЬЕР

Горгона? Странно! Сходятся все нити
Вокруг ее косматой головы...
За что же твой хозяин арестован?

СТЕЛЛА

Не знаю, собственно. Сам посудите!
Едва мы кончили в одном кафе
На улице Павлинов представленье,
Вдруг поднялся какой-то патриот,
Схватил за ворот Горбуна, рычит,
Что наше представленье намекает
На что-то там такое... И увел
Беднягу в Трибунал. Так было дело.
Что ж, гражданин! Я ведь не дочь ему
И, к счастью, не любовница. И, к счастью,
Смешна мне жалость и печаль чужда.
Жила — как фея, буду жить — как... Ладно!
А что в Париже правит Робеспьер,
Что он еще страшнее, чем Горгона, —
По чести, мне на это наплевать.
Но почему ты всё дрожишь, бедняга?

РОБЕСПЬЕР

Меня знобит.

СТЕЛЛА

Ты болен?

РОБЕСПЬЕР

Я устал.

СТЕЛЛА

Где ты живешь?

РОБЕСПЬЕР

Нигде. В людских умах.
В благословенье их непониманья...
Или, быть может, в дождевом тумане
Вокруг тебя... Но только не в домах.
Или в тебе самой, в худом подростке...
Быть может, в слабом отблеске огня,
Затеplenного нам на перекрестке...
Другого дома нету у меня...

СТЕЛЛА

А не скрываешься ты?

РОБЕСПЬЕР

От кого?

СТЕЛЛА

От Робеспьера...

РОБЕСПЬЕР

Все-таки стена!

Я от себя скрываюсь, — это хуже...

СТЕЛЛА

А часом не сошел ли ты с ума?

РОБЕСПЬЕР

Нет, этого могу я не бояться.

СТЕЛЛА

Но почему мне кажется, что я

Тебя видала где-то?

РОБЕСПЬЕР

Сомневаюсь.

СТЕЛЛА

Стоит худой напудренный кузнечик,

С большим ножом... И около него

Корзина, полная людских голов...

С таким лицом, с такой спиной сутулой

И, кажется, в очках. Наверно, это

Была картинка. Только где?

РОБЕСПЬЕР

В журнале

Английском?

СТЕЛЛА

Знаю. Просто на пакете,

В который завернули мне селедку.

РОБЕСПЬЕР

Так я, по-твоему, похож на эту

Кровавую фигурку?

СТЕЛЛА

Да, немного.

В особенности сбоку. Только нос

Там был с горбинкой, как у попугая...

Дождь кончился. Пора мне отправляться.

Скажи, где секция Пуассоньер,

Военный комитет?

РОБЕСПЬЕР

Какая даль!

Ты ночью не найдешь туда дороги.

Пойдем со мной. Я помогу тебе.

СТЕЛЛА

Признаться, я не очень бы хотела

С тобою связываться... Ты ведь нищий,

К тому же некрасив, хотя и щеголь.

Возьми другую спутницу себе.

А я дорогу как-нибудь найду.

Без провожатого. Спокойной ночи! *(Удаляется.)*

Медленно ползет рассвет.

РОБЕСПЬЕР

Другую спутницу? Тут есть одна...

Сама навязывалась... Эй, старуха,

Горгона, гипсовая маска славы!
Идем! Я все-таки с тобой. Пора.

ГЛАВА ПЯТАЯ. КОНВЕНТ

Девятое термидора. Все скамьи для публики полны. Гул голосов. На трибуне
ТАЛЬЕН.

ТАЛЬЕН

Сорвать завесы! Робеспьер хотел
Разъединить нас и поочередно
Послать на гильотину... Он тогда
Один бы возвышался среди развалин
Народоправства — Робеспьер-диктатор!
Конвент отныне должен непрерывно,
Не выходя из зала, заседать,
Покуда меч закона не упрочит
Существование революции,
Покуда мы не издадим приказ,
Свергающий тирана.

РОБЕСПЬЕР

Дайте слово!

КОЛЛО д'ЭРБУА

Ты слова не получишь.

РОБЕСПЬЕР

Почему?

КОЛЛО д'ЭРБУА

Ты в списке у меня стоишь восьмым.

ВАДЬЕ (*на трибуне*)

На редкость скромн этот гражданин.
Он часто нам говаривал: кто против
Меня, тот, значит, злейший враг Свободы.
Конечно, эта логика бесспорна.
Конечно, человек, отождествлявший
Себя с Республикой, имеет право
На многое. Кому здесь возражать?
Но я напомним вам — на всякий случай
Про богоматерь этого тута.
Есть предсказательница Катерина
Тео, весьма таинственная дрянь.
Есть у нее шпионы и пророки.
Мне кажется, тут вьется нить забавной
И пакостной интриги. Полюбуйтесь,
Как истинно разборчив Неподкупный
По части женской прелести! Гражданке
Не более шестидесяти лет.
Я не ищу прямого обвиненья,
Я только намекаю.

БИЙО-ВАРЕНН (*тихо Тальену*)

Сорвалось!

Заквакало Болото! Это худо.

Они смеются. Некому рычать.

Изволь теперь разогреть сначала!

ТАЛЬЕН (*тихо*)

Ты прав.

(*Вслух.*) Мы уклонились от предмета.

РОБЕСПЬЕР

Я вас верну к исходной точке. Слова! (*Бросается к трибуне.*)

Следом за ним — ТАЛЬЕН.

ТАЛЬЕН

К исходной точке, Робеспьер? А с этим (*выхватывает кинжал*)
Ты незнаком? Вот для тебя исход!
Я требую ареста Робеспьера.

ГОЛОСА

Поддерживаем! Голосуйте!

Гул, в котором пропадают отдельные восклицания.

БИЙО-ВАРЕНН (*тихо*)

Лишь бы
Не упустить минуты! Мы танцуем
На проволоке. Лишь бы он молчал!

РОБЕСПЬЕР цепляется за трибуну. Несколько рук стараются оттащить его
силой, хватая за фалды фрака.

РОБЕСПЬЕР

Чудовища! Я говорю не с вами.
Я обращаюсь к трезвым... Я хочу
Пробиться через этот рев безмозглый...
Есть же в Конвенте человечьи уши...
Хоть на трибунах...

Постепенно воцаряется молчанье. Каждая из последующих фраз покрывается
звоном.

Дайте досказать.

Меня здесь затравили... Если даже
Я был бы волком бешеным, и то
Так убивать нельзя... Собачья свора
И та разумней... Председатель гончих,
Не оборви звонка... Итак, я должен...

КОЛЛО д' ЭРБУА

Я слова не давал тебе.

ГОЛОСА

Долой!

РОБЕСПЬЕР

Я буду говорить...

ГОЛОСА

Долой с трибуны!

РОБЕСПЬЕР

Вот вам моя рука!

ГОЛОСА

На гильотину!

РОБЕСПЬЕР (*разрывает жабо, обнажая грудь*)

Я не уйду на бойню слепо... Я...

ГОЛОСА

А!.. Кровь Дантона душил Робеспьера!

РОБЕСПЬЕР (*шатаясь, сходит с трибуны*)

Так это за Дантона! О глупцы!
Что ж вы тогда его не защищали?
(*Опускается на одну из скамеек.*)

ГОЛОСА

Прочь! Это место Кондорсе! Долой!

РОБЕСПЬЕР направляется к другим скамейкам.

ЕЩЕ ГОЛОСА

А тут сидел Верньо... А тут Дантон...

БИЙО-ВАРЕНН (*тихо Тальену*)

Игра за нами!

ТАЛЬЕН

Но свалить такого

Не так-то просто! Началась охота.

Теперь держись!

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ТЮРЬМА

В одной из камер тюрьмы Лафорс. Несколько спящих фигур. ГОРБУН у решетки. Далекий набат.

ГОРБУН

Одиннадцать, двенадцать... Что за дьявол!

Тринадцать... А?

Четырнадцать, пятнадцать,

Шестнадцать... Это не Сен-Жак звонит.

Или с ума сошли часовщики? И время

Пошло назад? Не может быть! Набат?

Там беспокойно. Там опять тревога.

Париж в огне.

Один из спящих просыпается.

СТАРИК

Кто разбудил меня?

Мне снились праздники Фонтенебло

И дивный каламбур. Какой — не помню,

Всё вертится на языке...

Еще просыпаются.

ЮНОША

А завтра

В объятьях гильотины вы навеки

Уснете, черт возьми!

СТАРИК

По-стариковски.

ЮНОША

По-стариковски вы. А я надеюсь

Девицу эту оплодотворить.

Пускай хоть доски понесут ублюдка

Последнего из рода Буасси.

Прислушайтесь. Звонят...

СТАРИК

Звонят?

ГОРБУН

Звонят.

ЮНОША

Набат, Горбун?

СТАРИК

Нас это не коснется.

Фальшивая тревога, господа!

Ночь под республиканским одеялом

Отрывает братство и чеснок,

Как старая привратница у входа

В небытие.

КОМЕНДАНТ тюрьмы — с морщинистым лицом старого ловеласа, напудренный подагрик — стучит у двери одной из камер.

ГОЛОС ТЕРЕЗЫ ТАЛЬЕН

Кто там стучит так рано?

КОМЕНДАНТ

Как вам спалось, сударыня?

ТЕРЕЗА

Отстаньте!

КОМЕНДАНТ семенит ногами около двери, подглядывает в скважину. Уши его багровеют. Он хлопает себя по ляжкам.

КОМЕНДАНТ

Вот это женщина! Вот это сорт!

Вот это — вечное при всех режимах...

Такую даму посадить в Лафорс!

Тут надо быть кастратом, черт возьми!

Сударыня...

Просовывается неубранная, в папильотках, голова ТЕРЕЗЫ.

ТЕРЕЗА

В чем дело?

КОМЕНДАНТ

Дайте ухо.

В Конvente было бурно, очень бурно.

Вы можете надеяться...

ТЕРЕЗА

На что?

КОМЕНДАНТ

Я ничего еще не знаю толком.

Но, черт возьми, был слух, что триумвиры

Уже низложены...

ТЕРЕЗА

Не может...

КОМЕНДАНТ

Т-с-с...

ТЕРЕЗА

Пошлите в Тюильри... Кого хотите!

Скорей. Немедленно. Сюда Тальена!

Я заплачу вам, много заплачу,

Я вас осыплю золотом.

КОМЕНДАНТ

Вы ангел!

Не поминайте лихом старика. *(Целует ей руку.)*

Я отличал вас между заключенных,

Я попустительствовал в послаблениях

Тюремного режима, рисковал

Моею старой головой...

ТЕРЕЗА

Постойте!

Еще два слова. Я уже неделю

Не ела сладкого. Я вас прошу:

Пошлите за пирожными. Скорей!

Побольше. Целую корзину...

Между тем первая камера продолжает прислушиваться.

Здесь во дворе, за южным бастионом,
Как будто выстрел...

СТАРИК

Он у вас в ушах,
Любезный Буасси.

ЮНОША

Нет, вы оглохли,
Я слышу явственно.

ГОРБУН

Сюда идут.

СТАРИК

Во имя бога, приготовьтесь к смерти.

ЮНОША

К свободе, сударь!

ГОРБУН

Почему же медлят?

А ТЕРЕЗА, уже успев причесаться перед осколком разбитого зеркала, швыряет его
на пол.

ТЕРЕЗА

В последний раз ты служишь мне сегодня,
Проклятое, запомню я тебя!
Запомню я соломенный матрац,
И табурет, и сырость по карнизам —
До самой смерти. Кончено. Прощайте!
Кареты, платья, свечи, жирандоли,
Картины Фрагонара, зеркала,
Фарфор, батист и бронза, купидоны
У полога постели, запах пудры...
Бокалы... Ах, я слышу этот звон —
Звон хрусталя, звон денег, звон гитары...
Все это будет... Будет... Все вернется.

В коридорах слышны тревожные голоса. ТЕРЕЗА приоткрывает дверь.
Пробегают КОМЕНДАНТ, придерживая рукой шпагу.

Что там случилось, сударь?

КОМЕНДАНТ

Подождите!
Не приставайте!

ТЕРЕЗА

Что такое? Стойте!
Он убежал. Старик сошел с ума.

КОМЕНДАНТ пробегает в обратном направлении.

Ну что же там?

КОМЕНДАНТ

Ах, если бы вы знали!
Сидите мирно у себя. Не бойтесь.

ТЕРЕЗА

Но вы послали?

КОМЕНДАНТ

Нет... Да, да, послал.
Но будьте милосердны и ко мне.
Не спрашивайте! Я же разрываюсь
На части... Я же тут сижу,
Не зная ситуации...

К нему подходит ЖАНДАРМ.

В чем дело?

ЖАНДАРМ шепчет ему на ухо. Старик хватается за голову.

Ах, этого еще не доставало!
Прямой приказ Конвента – не принять!
Что б ни случилось – не принять, и баста.
Он вне закона должен оставаться.
Чем я рискую? Честью? Головой?
Тюрьмой? Парижем? Только им? О боже!

Между тем в первую камеру жандармы уже ввели РОБЕСПЬЕРА.

СТАРИК

Еще один невольный постоялец
В гостинице для едущих в ничто!
Как ваше званье? Чем вы насолили
Республике единой, нераздельной?
В чем преступление ваше, государь мой?
Что делается в свете? (Разумею
Под этим словом – ваш, новейший смысл.)
Что делает Париж? Кто с кем подрался
Сегодня утром? Наконец – последний
Вопрос: как поживает Робеспьер?..
Что думает он о голодных крысах,
Грызущих наши пятки по ночам?
О судьбах века, о главе Капета,
О Франции? Да сгинет святотатец,
Убийца короля и вождь Содома!
Как спится Робеспьеру? Вот вопрос,
Который задаем мы всем входящим
В гостиницу под вывеской Лафорс.

РОБЕСПЬЕР

Вопрос ваш в данном случае бессмыслен.
Вспомнитесь, граждане!

ЮНОША

Как – Робеспьер?

ГОРБУН

А сон-то развернулся не на шутку.
Не знаю, просыпаться или нет.
Посмотрим, чем он кончится...

ЮНОША

Однако
отбросим все условности и такт!
Позвольте вас спросить (не знаю, право,
Какую выбрать форму для вопроса),
Что с революцией? Опять рожает?

РОБЕСПЬЕР

Я на прямой вопрос отвечу прямо.
Она сейчас кончается, глупец.

ЮНОША

А ты еще, я вижу, скалишь зубы.
Ты не угомонился?

РОБЕСПЬЕР

Нет еще!

ЮНОША

Позволь тебе преподнести в знак мира
Напиток, принятый во всех темницах.
Вот в этой кружке есть глоток воды.

РОБЕСПЬЕР

Благодарю. *(Жадно пьет.)*

ЮНОША

Вы не хотите мира?

А между тем судьба у нас общая.

РОБЕСПЬЕР

Нет, мы на разных полюсах. Твой голос
Относит ветром в сторону. Мне трудно
Перекричать пространство — даже стоя
С тобою рядом, — чтобы ты услышал.

Дверь в камеру открывается. Входит КОМЕНДАНТ.

КОМЕНДАНТ

Позвольте, сударь... То есть гражданин...
Конвент мне декретирует... Я, право,
Здесь ни при чем... Примите во внимание,
Что я служу Республике... Итак,
Извольте, гражданин, без промедления
Оставить стены крепости Лафорс.

РОБЕСПЬЕР

Но я ведь узник.

КОМЕНДАНТ

Но не у меня.
Мне очень жаль... Нет, я хотел сказать,
Я лично ваш старинный почитатель...
Но вас держать в моей тюрьме не стану.
К тому же декретирует Конвент,—
Я уж сказал.

РОБЕСПЬЕР

Куда же мне деваться?

КОМЕНДАНТ

Париж велик.

РОБЕСПЬЕР

Так вот оно в чем дело?
Меня хотят поставить вне закона.
Откуда ваш приказ?

КОМЕНДАНТ

Который? Первый?

РОБЕСПЬЕР

А сколько всех?

КОМЕНДАНТ

Три в продолжение часа.

РОБЕСПЬЕР

Да, ваше положенье...

КОМЕНДАНТ

Я рискну

Его назвать дурацким.

(Внезапно оборачивается к невольным слушателям разговора.)

Кто смеется?

Я спрашиваю, кто посмел смеяться?

Марш по местам!

Ему под руку попадается ГОРБУН.

А ты, комедиант,

Куда суешься?

ГОРБУН

Гражданин...

КОМЕНДАНТ

Неправда!

Не гражданин я. Никогда им не был.

Не якобинец я, не санкюлот,

Не атеист, не ваша сволочь. Хватит!

Игра доиграна...

(Наступает на Робеспьера.)

Да, да, я смею

Держать пари, что...

В коридорах тюрьмы движение, голоса. Двери в камеру распахиваются. У порога санкюлоты, национальные гвардейцы, женщины.

САНКЮЛОТ

Именем Коммуны:

Свобода, Братство, Равенство — иль смерть!

Где Неподкупный?

ГОЛОСА

Вот он, вот он...

САНКЮЛОТ

Здравствуй,

Избранник Славы! Там игра в разгаре.

Играющие ставят всё на карту.

Ты слышишь звук охрипшего припева?

Ты слышишь, Неподкупный? Это — мы.

Крушение Революции есть гибель

Вселенной. И его не может быть.

По секциям уже идут собрания.

Твои друзья — Сен-Жюст, Кутон, Леба,

Пайан, Дюма и младший Робеспьер —

Все на свободе, ждут тебя. Ты наш.

Решай! Предрешено твоё решение.

Неволей или волей — всё равно

Ты будешь с нами. Потому что пуля

Должна лететь, пока она летит.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. КОММУНА

ГОРБУН *(бежит по улице)*

Вот я и вырвался... Какая ночь!

Стреляют. Бьют во все колокола.

Кричат с трибун и саблями секут

Пространство. Но постой, Бюрлеск!

Приди в себя! На гребень этой крыши

Похожа тень от твоего горба.

И надо зорче вглядываться в ночь,

Чтобы понять, где начинаюсь я

И где кончается ночной Париж.

Какая путаница! Но постой,

Не унывай, философ... Отдохни...

Ведь пьеса не доиграна. И сцена

Раскачанная ходит ходуном.

Я в кулаке её держу... Хвостун!

Ты в этом так уверен? Ты ведь зритель!

Ты к пьесе не имеешь отношения.

Ты бедный фигурант, случайный гость,

Свидетель. И при этом прозевавший

Важнейшие события... Эге!

Меня подозревают в хвастовстве?
Я всё видал. И понял всё. Да, всё!
Я, может быть, сидел с ним рядом, близко,
Плечом к плечу, и слышал, как летит
В его ушах ночная тишина...
Я, может быть, суфлировал ему
В Конvente. Что в Конvente! Там, в тюрьме!
Я, может быть, его сторонник главный.
Не веришь? Да, не верю. Разберемся!
История — и ты. Конвент — и ты.
Смешные сочетанья... Что за черт!
Я сбился. Окончательно. Я гибну.
Почтенный дом! Прошу тебя не падать.
Ты видел сам, что я с гражданкой Ночью
Прогуливаюсь. Вот мои бумаги.
Я — мелкий, мелкий... Понимаешь, мелкий!
Пожалуйста, не падай на меня! Дай мне пройти.
Такое время, дом... Должны мы помогать друг другу...
Ай! Меня схватили за плечи. Ведут
На гильотину. Граждане, спасите!
Я мелкий, мелкий. Я не тот, за кем
Вы гонитесь... Я должен вам признаться,
Что, может быть, совсем не существую...
(Скрывается.)

Темнота. Выстрел. Набат. Из-за кулисы выходит АВТОР.

АВТОР

*Историки вправе гордиться бесполом
Законным и хладным забвеньем легенд.
Но я человек. Я отчаянья полон.
Итак, в Тюильри заседают Конвент.*

*Но дальше от их передраги торговой!
Идем в средоточие уличной тьмы.
Присмотримся к лицам. Послушаем говор.
Статисты. Толпа. Человечество. Мы.*

*Жаргон красноглазых, небритых, отважных.
Тут сразу почувствуешь, только свяжись:
Пора начинать. Остальное — неважно.
За порох, за песню, за равенство — жизнь.*

*У секций нет связи со штабом восстанья,
У секция бессонница. Главное — тут,
В той группе, которая бронзой станет,
Чьи клятвы как тучи над веком растут.*

*Язык их растрепан, но все еще крепок.
Эпоха кончается, как началась.
Узнаешь ее по чеканке свирепых,
Затравленных жестов, по впадинам глаз.*

*И вот они гибнут. Но тут же, сейчас же,
Добыты из пепла природы навек —
В загадочных ссадинах, в дыме и в саже, —
Сен-Жюст. Робеспьер... Человек. Человек...*

*Светает. Вот подлая пушка, бабахнув,
Разбила кольцо инсургентов. Отбой.
Распахнута настужь История. Пахнут
Часы эти славой, бессудьем, судьбой.
Я занавес дал. Я не вправе помочь им.
А ночь между тем продолжает лететь.
Историки знают конец этой ночи.
А мне комментарии некуда деть.*

ПАЙАН

Я говорю: пиши (*Диктует.*)

Мужайтесь, патриоты секции Пик. Свобода торжествует. Те, чья твердость сделала их страшными для изменников, уже на свободе...

РОБЕСПЬЕР (*Сен-Жюсту*)

Припомни: революция – Сатурн.

Она съедает собственных детей.

Не нами началась. Но мы кончаем

Ее кровавый пир.

КУТОН

А я скажу,

Что мы, пожалуй, - худшее из блюд:

При жизни съедены наполовину,

Оставим ей расшатанные кости.

РОБЕСПЬЕР

Насчет себя ты прав.

КУТОН

Насчет всех нас.

О, мы оставим жизни в назиданье

Гул ветра в наших мертвых головах...

И что еще?

РОБЕСПЬЕР

Клевету мемуаров,

Музей карикатур... Все несъедобно,

Все вместе с нами выметут... Потом

Придут историки. И кости славы

Начнут глодать... На их голодный ужин

Мы, если есть бессмертье, поглядим

С веселым любопытством...

ПАЙАН (*продолжает диктовать*)

Место сбора

Коммуна. Там отважный Анрио...

РОБЕСПЬЕР

Отважный Анрио, к несчастью, пьян.

Конь выбыл из игры еще в дебюте.

СЕН-ЖЮСТ

Ночь на исходе. Если не сейчас,

Не в этот миг, то больше никогда не повторится.

РОБЕСПЬЕР

Можешь быть спокоен:

Не повторится больше никогда.

Будь же внимателен к минуте этой.

Она твоя последняя...

В дальних комнатах звон стекла. Врывается ЛЕБА.

ЛЕБА (*тихо Робеспьеру*)

Мерда

С жандармами вломился в зал Коммуны.

Они идут сюда.

РОБЕСПЬЕР

Конец?

ЛЕБА

Конец.

ПАЙАН

Подписывай воззванье, Робеспьер.

РОБЕСПЬЕР (*подходит к столу и берет в руки перо*)

Не поздно ли?

ПАЙАН

(*читая из-за его плеча*)

Ну что же дальше? "Ро..."

РОБЕСПЬЕР

Я знаю... Погоди, "...беспьер", и дата...

Пусть это кто-нибудь другой допишет!

ПАЙАН

Максимильян...

Двери тихо распахиваются. У порога МЕРДА и другие ЖАНДАРМЫ.

МЕРДА

Мы сцапаем их всех. Они и сами не заметят. Тсс!

(*Крадется к Робеспьеру.*)

РОБЕСПЬЕР

Я подпиши под этим не даю.

Не стоит, гражданин Пайан, в час смерти

Прикидываться пьяным, если трезв.

МЕРДА (*подходит к нему вплотную*)

Сдавайся, сволочь!

РОБЕСПЬЕР

Именем народа!

МЕРДА

Э, стану и возиться!..

(*Стреляет.*)

РОБЕСПЬЕР падает.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. СТЕЛЛА

По разбитой ночной дороге под проливным дождем ползет фургон. На облучке ГОРБУН. Внутри СТЕЛЛА и звери.

СТЕЛЛА

Дождь хлещет по брезенту,

Смывает размалевку

Дощатого фургона,

И лошади продрогли,

Куда-то тащат нас

К бельгийской ли границе,

В Савойю или к Альпам,

На север иль на юг?..

Эй, мэтр Алкивиад!

ГОРБУН

Что, Стелла?

СТЕЛЛА

Я сменю вас...

ГОРБУН

Нельзя, мой ангел! Темень

Такая, что хоть плачь.

Всё спуталось внезапно

По сторонам пути.

Куда ни глянешь - ветер

Всё на сторону сносит

И шляпу рвет мою.

Едва сижу на козлах.

СТЕЛЛА дремлет.

В харчевнях кормят скудно.
На ярмарках голо.
Хотя б охапку сена
Усталым лошадям,
Хотя б глоток вина
Горячего в стакане.

Фургон внезапно останавливается.

Что стали? Трогай! Эй!
Вот, право, незадача...

ГОРБУН слезает с козел. Поперек дороги мертвое тело. Он стаскивает труп в канаву.

Спи, гражданин вселенной!
Прощай, кем бы ты ни был —
Парижским патриотом
Иль сволочью английской...
Дожди тебя обмоют,
Пески тебя засыплют
И ветры отпоют.
Спи, гражданин вселенной,
В канаве придорожной!
Хоть я не мародер
И не имею права
На бесполезный обыск...
(Шарит в карманах трупа.)
Но Библия твоя,
Кольцо твое и шпага
Мне очень пригодятся.
А пачку ассигнаций
Оставь себе на случай
До Страшного суда...
Они гроша не стоят.
Но воскресенье мертвых
В безбожный век Вольтера
Пошло еще дешевле.

ГОРБУН опять взбирается на козлы. Фургон трогается. Пейзаж дичает и мрачнеет. Дождь усиливается. За этой холодной и сырой равниной с простертыми руками вязов и ветел, за жалкими изгородями и канавами мерещится тяжелая спячка Европейского материка. Быстро проносятся лохмотья пейзажа. Мелькают горы реки, мосты, соборы, развалины, пастбища, мельницы, харчевни Темп идет убыстряясь, но фургон колесит по тем же дорогам, заворачивая на прежние места.

(Поет.)

В начале перегона
Еще не повелось
Ни машеры Горгоны,
Ни ржавых змей-волос.
Но страшная старуха
Линяет под дождем.
Насчет Горгоны глухо.
И мы чудес не ждем.
Не ждем событий грозных,
По свету колеса.
И прозеленью бронзы
Покрыта сказка вся.
Кто ищет здесь морали,
Пусть обратится вспять.

А впрочем — не пора ли
И моралистам спать.

Картина туманится и колеблется в своих очертаниях. Вот уже ничего нет, кроме изголовья девочки. Ей страшно неудобно. Тут СТЕЛЛА внезапно просыпается.

СТЕЛЛА

Что это было? Это же не сон!
Он только что стоял со мной, тот самый,
На той же улице под фонарем,
У той стены, тот бледный человек
В очках... Он стал еще бледней.
Но почему его я не забыла?
И почему сейчас, чрез много дней,
Он мне приснился? Где же это было?
Вот он проходит в дождевом тумане —
Во всех умах, во всех больших томах.
Вот горбится он от непониманья.
Вот жизнь его кончается впотьмах.
Нет, это я запомнила неверно.
Он ничего не говорит. Он болен.
Его знобит, как и меня. Он бредит.
Он просит пить кого то...

Раненого РОБЕСПЬЕРА осторожно кладут на стол. Перевязка кончена. Под голову ему подставляют деревянный ящик с кусками солдатского пайкового хлеба. ХИРУРГ, делавший перевязку, небритый плотный сангвиник, с толстым носом, с платком вокруг головы, с засученными рукавами, жуёт лимон, сплевывает на пол. ЖАНДАРМ с факелом. Еще несколько черных растрепанных фигур.

ХИРУРГ

Как он худ!
Какие плечи узкие! И ляжки
Как у цыпленка! Плохо дело, брат!
Эй, Неподкупный, слышишь? Плохо дело!

ЖАНДАРМ трясет Робеспьера за плечо. РОБЕСПЬЕР внезапно приподнимается, обводит всех мутным взглядом и сейчас же падает навзничь.

Нет, не проснулся...

ЖАНДАРМ

Конским бы навозом
Его соборовать.

РОБЕСПЬЕР стонет.

Что, жутко?

РОБЕСПЬЕР

Пить...

ХИРУРГ

Эге! Да он живуч! Такой тщедушный,
А всё цепляется...
(Дает ему лимон.)
На, пососи!

РОБЕСПЬЕР

Который час?

ХИРУРГ

Светает. Значит, пять.

Немного больше. Вот и дождались.

Советую не спать до гильотины

И подкрепиться...

Внизу слышен грохот подъехавшей фуры. Комната сразу наполняется стуком прикладов и сапог и утренним холодом. Входит КОМИССАР ТРИБУНАЛА.

КОМИССАР

Именем Конвента!

Максимильян де Робеспьер, пора!

1928

Д В А П О Р Т Р Е Т А

ПОЭМА

Юрию Тынянову

Писал, писал - вплоть до седьмого пота
Усердствовал художник. Наконец
Почувствовал он: спорится работа.
Лицо живет, и очи - как свинец,
И тон хорош, зеленовато-зыбкий.
Он был готов ручаться головой,
Что на холсте - с приветливой улыбкой
Весь Павел свет Петрович, как живой.
И вот остался блеск звезды нагрудной:
Чуть тронешь кистью, и сверкнет она.
Художник тронул каплей изумрудной...
А император, спяну иль со сна,
Как выкатит свое монаршьё око,
Как дрыгнет ножкой, как начнет шуметь!
И в голосе, взобравшемся высоко,
То пенье петуха звучит, то медь.
Он распекал художника. Внезапно
Сощурился и, странно хохоча,
Изрек:

 - Сия фигура есть похабна,
Уродлива и неизвестно чья.
Изображен капрал или поручик,
Мейн либер гот - возможно ли, что я?
Но разве он на ужас бытия
Глядит с портрета, как с отвесной кручи?
Пускай я гневен, господи прости,
Пускай я сумасброд, но кто сказал бы,
Что истинно зажаты в сей горсти
Морских баталий пушечные залпы?
Портрет не я, а некий карлик хлипкий,
Чиновный плут, всесветное хамье.
И лишь благоволение в улыбке
Пленительное - вроде и мое.
Ты, живописец, в рвении сугубом
Пришлепнул нос, укоротил мне лоб.
И вышел я, как негра, толстогубым
И низкорослым, как ты сам, холоп!
Тебя по чести следует в оковах
Гнать в ссылку. Но... - захохотал он вдруг, -
Вот ассигнациями сто целковых
И чарка водки из монаршьих рук.
Всю эту речь художник бедный слышал
И сразу жалок стал и одинок.
Он поклонился, сгорбился, и вышел,

И побежал домой не чуя ног
Вдоль по Неве. Навстречу выплывали
Из мрака будки, фонари, столбы.
Искал ли он сочувствия? Едва ли.
Он знал, что как ни кинь, а от судьбы
Все не уйдешь, - вот разве только в воду,
Хоть в омут ледяной, или еще
Хлебнуть, как встарь, вина под непогоду,
Обжечь хотя бы глотку горячо...
«Санкт-Петербург, - он думал, - как несносен
Мне дивный кругозор твоих камней,
И ветра всхлип, и скрип чухонских сосен,
И хрип военных труб, и храп коней!
Казнит ли царь иль жалует - отныне
Легла на мне казенная печать.
Несу я бремя общего унынья
И общего уменья промолчать.
Санкт-Петербург за пачку ассигнаций,
За чарку водки выжмет естество
И дарованье, выучит склоняться
Перед молохом царствия сего.
Но, заклеянный подлостью рожденья,
Я меж князей и графов пропаду...»
И, кулаки сжимая в подтвержденье
Своим словам, он трясся на ходу,
Как будто от негаданной невзгоды
Стал ниже и ничтожнее во мгле...
И вспомнил он младенческие годы,
Садок вишневый, хату на селе,
Господский двор, далекую ту пасху,
Когда впервой на этот двор пришел.
И барин кинул медный грош подпаску
В канаву. Мальчик вымок, но нашел,
И барин хохотал и кинул снова
На огород, в овраг, за ворота.
Так мальчика встречала крепостного
Господская блажная доброта.
И вспомнил он, как в горнице за печкой
Царапал раз обломком уголька
Смешную рожу, пастуха с овечкой,
Деревья, а над ними - облака.
Как у черниговского богомаза
Сухие краски растирал, учась.
Вот и пошло - вниманье, зоркость глаза,
Упрямство, страсть - все, чем он жив сейчас.
Он вспомнил все, чем жизнь красна молодая,
Чем труд его так радостен порой.
Но, лишь воспоминаньем обладая,
Чуть не заплакал бедный наш герой.
Чего ж ему, по чести, не хватало?
Светлейших титулов, нагрудных звезд,
Иль звонкого презренного металла,
Иль права быть отсель за тыщу верст

И по свету кружить, как солнце кружит,
И никому под солнцем не служить,
Со встречаемыми дружить, как ветер дружит,
Хоть в чистом поле?.. Только жить и жить!
Так он мечтал. Вдоль Невского проспекта
Чадили плошки. Дождик моросил.
Вдруг с живописцем поравнялся некто,
В плаще, с убогим свертком, и спросил:
- Сдается мне, что мы встречались, сударь?
Напомню время: десять лет назад.
И место встречи: далеко отсюда.
Париж, точнее - Люксембургский сад. -
Был незнакомец странно беспокоен,
Оборван весь, невероятно тощ.
Художник всматривался: кто ж такой он?
Не мог понять. Тут приударил дождь.
Они вошли в харчевню. Из харчевен,
Наверно, то подлейшая была:
Сырой подвал, где самый день плачевен,
Где делаются гнусные дела,
Где пьяного по морде бьют, как в бубен,
Где гулко отдается по столам
Смех зрителей, а жертвы вой стотрубен,
Как будто жизнь сломали пополам;
Где шкипер, дымом кнастера повитый,
Рыгает, молча глядя на балык;
Приезжий купчик буйствует со свитой
Каких-то забубенных прощелыг;
Где все свершается как бы в издевку,
И два гусара, теща гордый прав,
Секут публично охтенскую девку,
Ей на голову кринолин задрав.
Они вошли туда. Как в преисподней,
Ударило вошедших сразу в пот.
Хозяин занавесочку приподнял,
Чтоб угостить как следует господ.
За занавеской было нечто вроде
Каморки. Тусклый черный образок
Висел в углу. Хозяин на глазок
Смекнул, чего желают благородья,
Поставил пунш и скрылся.

Неизвестный

Стало быть,

Не узнаете?

Художник

Нет, прошу прощенья.

Неизвестный

Но можно ли так начисто забыть
Наставника благого просвещенья?

Художник

Вы шутите. Я чту учителей
Заморских и отечественных свято.
Но память здесь но в чем не виновата.

Кто вы такой? Прошу сказать смелей.

Неизвестный

Тот год, когда в Париже вы гостили,
Благословен на долгие года.
Есть много, сударь, на земле Бастилий,
Но первая взята была тогда.
Припомни, друг, тот воздух раскаленный,
Свет солнечный, июльский, золотой.
Я протянул каштана лист зеленый
Тебе взамен кокарды...

Художник

О, постой!

Постой... Я помню множество гостиниц,
И дилижансов, и дорожных встреч...
Возможно ли? Тот ярый якобинец,
Та дерзкая прерывистая речь,
Тот парижанин двадцатидвухлетний,
Почти ребенок... Десять кратких лет!
Но ты старик согбенный...

Неизвестный

Да, последний

Из выживших, и сам почти скелет.
Пал Робеспьер. Его конец оплакав,
При Консульстве я в тюрьмах побывал,
Потом бежал. Путь многих одинаков:
Крутой подъем, неслыханный провал.
Век Разума кончается и канет
Вослед за Революцией в ничто.
Преемник бури, дерзкий корсиканец
Низринет все, что в буре начато.
Я не нашел приюта в целом мире,
Все позабыл о юношеских днях
И очутился в Северной Пальмире,
Художник иль сапожник, но бедняк,
И мерзну тут, и начал кашлять кровью,
И, видно, скоро ноги протяну.
Но я оплакиваю не здоровье,
Не молодость, а Францию одну.

Художник

Друг! Наши судьбы, разные в дни счастья,
Неотвратимо сблизились в беде.
И я бедняк и санкюлот отчасти,
Холоп, гонимый всюду и везде.
Раб крепостной, мужицкий сын и правнук,
И сам мужик, хотя не земледел,
По прихоти хозяев своенравных
Я тайнами искусства овладел.
Но что мне блеск и строгость колорита,
Что вечный поиск правды на холсте,
Когда вокруг все сумраком покрыто,
А жалобы... немотствуют и те.
Сам убедись: на всем один оттенок,
Цвет плесени, кладбищенски сырой.

Попал ты не в харчевню, а в застенок,
Где смертников возропотавших рой
Решетку рвет, царапает железо.
Пей, милый спутник юношеских дней!
Пей, санкюлот!

Неизвестный

За что?

Художник

За «Марсельезу».

Но ты внезапно стал еще бледней.
Ты плачешь? Брось! Все на земле пустое.
Пей, старина! Как там звучит? Аух агмес!..
Встань! Мы споем, как подобает, - стоя.
Но тихо. Уши есть и у казарм.
Они стаканы сдвинули. От краткой
Беседы в якобинце вновь зажглась
Ребяческая дерзость. И, украдкой
Смахнув слезу непрошеную с глаз,
Он вынул табакерку, шелкнул пальцам
И молвил, сдунув со стола табак;
- Я не рожден на то, чтоб быть страдальцем,
Тем более когда вхожу в кабак,
Тем более когда на это трачу
Последний грош (и звякнул медный грош).
Но я тебе свидание назначу
Еще одно! Ты вспомнишь и придешь.
А числюсь я живым ли среди мертвых
Иль мертвый средь живых, - не убежден. -
И, бросивши на стол убогий сверток,
Француз исчез под проливным дождем.
Что было в этом свертке? - Непонятно.
Художник развернул и онемел:
Пред ним портрет. В углах чернеют пятна
Зловещей крови. Неискусный мел
Здесь начертил подобье человечье,
Бог знает чьи перекосив черты...
Но было так пронзительно увечье,
В тенях сгустилось столько черноты,
Что из глазниц, как из пустых расселин,
Не мог пробиться даже тусклый взгляд.
Чело покрыла мертвенная зелень.
Казалось, скулы все еще болят
И дергаются. В чем же смысл картины?
Как в ясные слова его облечь?
Ведь это жертва грозной гильотины,
Ведь голова скатилась с чьих-то плеч!
Вот отчего уродливо творенье,
Вот отчего рисунок стерт и сер.
Художник, сильно напрягая зренья,
Прочел в углу картины: «Робеспьер».

Весною император был задушен.
И под грома глухих литавр и труб,
Разряжен, свежевыкрашен, надушен,
Лежал в гробу его невзрачный труп.
И не прошло и суток - по России
Провозглашен был манифест о том,
Что император от апоплексии
Преставился. Лежал он с сжатым ртом,
Подтянутый, нестрашный, безголосый,
Вполне достойный почестей старик.
И серебром мерцал жестковолосый,
По старой моде завитой парик,
Все кланялись, крестились, лобызали
Сухую ручку иль прохладный лоб.
Среди гостей, теснившихся в той зале,
Был я художник, крепостной холоп.
И над почившим - в золоченой раме,
Весь в черных бликах масляных - мерцал,
Как бы восхищен горними мирами,
Как бы удвоен фокусом зеркал,
Двойник царя с приветливой улыбкой,
Подтянутый, нестрашный, молодой,
Под лаком весь зеленовато-зыбкий,
Струящийся как будто под водой.
Художник на свое творенье глянул:
Змеились смехом царские уста.
Но что за диво дивное!.. Отпрянул
Художник от недвижного холста,
И отошел подальше, и замер,
Вновь подошел, как призраком влеком...
А Павел с выкаченными глазами
И с высунутым синим языком
Задергался нечванно и нечинно,
Уж не живой, но все же не мертвец, -
Такой, каким он был перед кончиной,
Могущий многим насолить стервец.
Художник был отнюдь не суеверен,
Но в этот час, испуга не тая,
Он видел, что уж слишком гнил и скверен
Портрет, зиявший из небытия.
Такого ли писал он? - Нет, иного!
Но как же он не разглядел *того*?
Зачем же зоркий глаз и мастерство?
И мысль его взвилась, как вихорь, снова.
И понял он, что некий страшный слух
Недаром полз по улицам столицы...
Нет, идол гробовой румянолицый
Не заслужил рыданья верных слуг.
Верней бы просто за ноги да в воду,
Хоть в ледяную прорубь, да кончай,
Где пива март хлебнул под непогоду
И в рыхлый снег свалился невзначай,

Где, как пивная пена, порыжели
Серебряные хлопья зимних пург...
И живописец вздрогнул: неужели
Такую правду знает Петербург?
И оглянулся он вокруг с опаской.
Нет. Все в порядке. Только для него
Блеснула правда под посмертной маской.
Все было окончательно мертво.
И люди шли, крестились, лобызали
Сухую ручку, что была мертва.
И певчие, теснясь в соседней зале,
Рыдали: «Человек, яко трава...»
А над почившим в золоченой раме,
Румяный и приветливый, как встарь,
Сиял, восхищен горними мирами.
Изображенный для потомков царь.
Художник спал в ту ночь, как в воду канув,
Без снов, усталый крепкий человек.
По дому грузным шагом великанов
Шли между тем часы. Начался век.
И в ту же ночь... А может, и не в ту же
(Их столько было черных, без числа!..),
Озябшая, под мартовскою стужей,
Ему письмо девчонка принесла.
- Встань, дяденька, проснись! Или оглох ты? -
Спросонок он ее понять не мог.
- Откуда?

- От француза с Малой Охты. -

И он вскочил и сжал письмо в комок.
Там были две строки:
«Я умираю.
Приди, пока не поздно. *Аристид*».
И вот уже он мчится. Вся сырая.
Вся мартовская мгла за ним летит.
Скорей, скорей! Пока не поздно, мимо
Лачуг, заборов, будок и канав.
Всю молодость, всю жизнь неутомимо,
Хотя бы насмерть сердце доконав!
Скорей, скорей! Нет ничему возврата.
Но если вправду сердце не мертво,
Не опоздай на тихий голос брата.
На страшный голос брата твоего!
И хлещет ветер, плащ с тебя срывая,
Дождем и снегом хлещет по лицу...
Чу! Грянул гром. То пушка заревая
Бабахнула на Марсовом плацу.
И ей салют откликнулся с кронверка.
Потом в каре построились войска.
И, всю столицу страхом исковеркав,
Преследует бегущего тоска.
То Павла-императора хоронит
Его столица смиренная. И пусть!
Художник о другом слезу уронит,

Другой могиле посвящает грусть.
Он в комнату вошел. На жестком ложе
Лежал старик или мальчик. Столько лет
Прошло, а не забыл художник кожи,
Натянутой на маленький скелет.
Так угасал изящный и невинный
Француз-художник, дряхлый вертопрах,
Чужим железным веком, как лавиной,
Как жерновами, смолотый во прах.
- Друг! Я не болен, я смертельно трезв.
Нужда или несчастная звезда,
Дорогу отступления отрезав,
На гибель завела меня сюда.
Ты помнишь, - на волне припева, в пене
Косматых шапок, ружей и знамен,
Любой на нас по праву упоенья
Соседом был бы тотчас изменен...
Я знаю, что дела такого рода
Неповторимы, так они просты.
Но если есть бессмертие народа,
То оба мы бессмертны, я и ты.
Друг! Если ты художник с ясным взглядом,
Всмотрись в последний раз в мои глаза
И наклонись к подушке, чтобы рядом
С моей - твоя скатилась бы слеза.
Друг! Если ты... Нет, это все пустое.
Друг! Если ты... О, если ты мне друг,
То обещай, как подобает, стоя,
Спеть нашу песню. Кончено...

Как вдруг

На выступе стенном, как по экрану,
В лучах зари наметилась едва
Та самая, скатившаяся рано,
Взлохмаченная ветром голова,
Кричащая, отмщающая яро,
Летящая сквозь годы и века,
Та голова трибуна-монтаньяра,
В крови и в саже, в космах парика,
Взметенная на пике над Парижем,
Вдруг выросла и - понеслась вперед!
Пусть на холсте, от давней крови рыжем,
Потомок ничего не разберет;
Пусть этот холст в чужой стране пожухнет,
Пусть и создатель бедного холста
В чужой стране от голода распухнет,
Свое творенье бросив неспроста;
Пусть сгинет он изгнанником бездомным,
Пусть и рассвет в сыром окошке сер, -
Художник знал всем ощущеньем темным,
Знал всем сознанием: это Робеспьер!
И Робеспьер усталым, хриплым горлом
Именовал историю на «ты»,
Он воздухом дышал высокогорным,

Бессмертным кислородом правоты.
Его слова, как врезанные в камень.
На диво были сжаты и просты.
Священный революционный пламень
Взвивался из-под гробовой плиты.
Минуту это длилось, но в минуте
Запечатлелся весь минувший век.
Меж тем художник в перевозданной смуте
Рассматривал сквозь пурпур сонных век
Окно, постель и холст, висящий криво...
В смещенье линий, видимых едва,
Он ждал движенья, возгласа, порыва.
Но через миг исчезла голова.
Художник выпрямился. Не хватало
Ему дыханья. В окнах темнота
Ночная поредела. Там светало.
Как медленно светало, как света...
И рассвело. Внезапно, без причины,
Нужнейших слов собрату не сказав,
Он поднялся как бы со дна пучины,
И понял - что проснулся весь в слезах.